

Философская антропология Философия культуры

УДК 130.2

О. А. Спицына

(аспирант)

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
(г. Белгород, Российская Федерация)

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ АНАРХИСТСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

Аннотация. В статье анализируется эволюция анархистской мысли: от классического анархизма XIX века, воспроизводившего метафизическую логику *arche* через апелляцию к вневластной природе, – к постструктуралистской критике XX века. На примере концепций Ж. Деррида, М. Фуко и Дж. Агамбена показано, как отказ от эссенциализма трансформирует понимание свободы – не как возвращения к сущности, а как процесса субъективации и этики сопротивления. Особое внимание уделено переосмыслению концептов революции, власти, природы и субъекта.

Ключевые слова: постструктурализм, анархизм, *arche*, биополитика, деконструкция, субъективация, диспозитив, М. Фуко, Дж. Агамбен.

O. A. Spitsyna

(graduate student)

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
(Belgorod, Russian Federation)

AFTER LIBERATION: POSTSTRUCTURALIST DECONSTRUCTION OF ANARCHIST METAPHYSICS

Abstract. The article analyses the evolution of anarchist thought: from 19th-century classical anarchism, which reproduced the metaphysical logic of *arche* through its appeal to a non-authoritarian human nature, to 20th-century poststructuralist critique. Drawing on the concepts of J. Derrida, M. Foucault and G. Agamben, it demonstrates how the rejection of essentialism transforms the understanding of freedom – not as a return to essence, but as a process of subjectivation and an ethics of resistance. Particular attention is paid to the reinterpretation of the concepts of revolution, power, nature and the subject.

Keywords: poststructuralism, anarchism, *arche*, biopolitics, deconstruction, subjectivation, dispositive, M. Foucault, G. Agamben.

Трудность, с которой неизбежно сталкивается любой, кто пытается мыслить анархию после классиков XIX века, имеет не столько политический, сколько метафизический характер. П. Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П. А. Кропоткин, при всех их разногласиях, сходились в одном: существует некая вневластная реальность (природа, взаимопомощь, разум), которая ждёт своего освобождения от государственных оков. Но что, если этой реальности нет? Что, если то, что они принимали за сущность, само есть продукт власти? Этот вопрос, маргинальный для классической традиции, становится центральным для постструктуралистской философии второй половины XX века. Ответ, который она предлагает, заставляет пересмотреть сами основания анархистского проекта. Не потому, что он отказывается от критики власти, а потому, что он углубляет её настолько, что она обращается против собственных, казавшихся незыблемыми, предпосылок. При всей своей радикальности, классический анархизм оставался в плену просветительской веры в то, что разум, освобождённый от предрассудков и принуждения, естественным образом приведёт к гармоничному обществу. Постструктурализм подвергает сомнению и этот тезис не потому, что он «пессимистичнее», а потому, что он не доверяет самой категории «естественности» как вневластного аргумента.

Главный удар по анархистской метафизике наносит деконструкция Ж. Деррида. Понятие *arche* несёт в себе двойной смысл: начало и повеление. По мнению Ж. Деррида, западная метафизика строится на привилегировании первого перед вторым: начало легитимирует повеление. Всякий, кто претендует на власть, должен обосновать её через происхождение – божественное, династическое, рациональное или революционное. Классический анархизм, отрицая государственную власть, продолжал верить в легитимность начала: он искал иное начало – в природе, в солидарности, в истории, но тем самым он оставался внутри той же метафизической схемы, которую пытался преодолеть. Ж. Деррида отмечает, что никакого абсолютного начала нет. Всякое начало уже отсылает к другому началу, всякое присутствие уже содержит след отсутствия, всякий логос уже загрязнён письмом. Согласно точке зрения Ж. Деррида: «Деконструкция – это всеобщая забастовка, стратегия разрыва? Да и нет. Да – поскольку она даёт себе право оспаривать конституционные протоколы. Нет – поскольку стратегия разрыва никогда не бывает чистой; она всегда должна считаться с возвращением того, с чем она разрывает» [7, р. 185–186]. Отсюда следует вывод, который переворачивает классическое понимание анархии: анархия – это не отсутствие порядка, который можно было бы установить раз и навсегда. Это перманентная невозможность окончательной фиксации порядка. И задача философии – не предлагать новый порядок, а дезактивировать механизмы, которые делают любой порядок легитимным в глазах тех, кто ему подчиняется.

Впрочем, Ж. Деррида редко говорил о политике прямо. Его деконструкция оставалась преимущественно операцией над текстами и философскими понятиями. М. Фуко же сделал власть своим прямым предметом – не в метафизическом, а в историческом и социальном измерении. М. Фуко не был анархистом в партийном смысле. Он не писал манифестов и не участвовал в захватах фабрик. Между тем, его аналитика власти внесла в анархистскую традицию больше, чем сотня программных текстов. М. Фуко показывает то, что классический анархизм либо игнорировал, либо упрощал: власть не есть нечто, чем обладают одни (правители, буржуазия, государство) и чего лишены другие (народ, пролетариат, массы). Власть – это не собственность, а отношение. Она циркулирует, не исходит из единого центра, действует на периферии столь же интенсивно, как и в центре. По мнению М. Фуко: «Отношения власти имеют глубокие корни в социальной ткани; они не воссоздают над обществом дополнительную структуру, о радикальном упразднении которой, возможно, можно было бы мечтать» [3, с. 188]. Это заявление переводит анархистскую критику в совершенно иную плоскость. Если власть имманентна социальным отношениям, если она не может быть «упразднена» одной революционной ночью, то освобождение не может быть событием. Оно становится процессом, иными словами бесконечной работой по ослаблению жёстких форм власти, созданию пространств для манёвра, изобретению новых способов субъективации, которые не были бы сведены к подчинению.

Различие между Ж. Деррида и М. Фуко в этом пункте показательно. Ж. Деррида проблематизирует власть на уровне языка и метафизики: его враг – логоцентризм, вера в истину как присутствие. М. Фуко проблематизирует власть на уровне институций и практик: его враг – дисциплинарные механизмы, нормализация, биополитика. Но оба сходятся в одном: власть не есть нечто внешнее, что можно сбросить, как оковы. Она пронизывает то, что мы есть, и сопротивляться ей можно только изнутри, не в надежде на окончательное освобождение, а в перманентной работе по переопределению границ возможного. Для анархистской традиции, привыкшей мыслить власть как врага вовне, этот тезис был травматичным, но именно в этой травме – её потенциал. Ибо если власть везде, то и сопротивление может быть везде. Если нет центра, захват которого привёл бы к тотальному освобождению, то нет и необходимости ждать «правильного момента» или «правильного вождя». Сопротивление возможно здесь и сейчас, в любом месте, любым субъектом.

Для переосмысления анархизма весьма важное значение имеет фукианское понятие диспозитива. Диспозитив – это гетерогенная совокупность дискурсов, институтов, архитектурных форм, регулятивных решений, научных утверждений. Это то, что М. Фуко называет «сетью, которая может быть установлена между этими элементами» [6, р. 194]. Диспозитив не просто подавляет; он производит – производит знание, производит субъектов, производит само поле возможного. Классиче-

ский анархизм мыслил власть как запрет: закон запрещает, полиция пресекает, тюрьма наказывает. М. Фуко демонстрирует, что власть более эффективна, когда она не запрещает, а поощряет. Биополитика (управление жизнью населения, контроль над рождаемостью, смертностью, здоровьем) есть наиболее изошрённая форма власти именно потому, что она не воспринимается как власть. Она представляется заботой, защитой, помощью. Анархистская критика, оставаясь на уровне макиавеллиевского «государь-народ», не видит этой микрофизики власти. Постструктуралистская аналитика же делает её видимой и, следовательно, доступной для сопротивления. Когда М. Фуко показывает, как школа дисциплинирует тело, больница производит понятие «нормы», тюрьма не исправляет, а производит преступность, он даёт анархисту не программу действий, а инструмент диагностики, а без диагноза любое лечение слепо.

Возникает апория, на которую указывает Дж. Агамбен. Если власть столь всепроникающа и производит самих субъектов, которые затем против неё восстают, то где взять точку опоры для сопротивления? Не оказывается ли субъект, восстающий против власти, уже сконструирован ею? Дж. Агамбен принимает этот вызов и идёт дальше М. Фуко. Он показывает, что власть коренится в самой онтологической структуре западной метафизики. Фундаментальная операция власти – различие между *zoe* (простой, биологической жизнью, общей для всех живых существ) и *bios* (политически квалифицированной жизнью, формой жизни, имеющей ценность). Это различие, как демонстрирует и Дж. Агамбен, не нейтрально. Оно есть акт исключения, посредством которого власть конституирует себя. Дж. Агамбен считает: «Суверен – это тот, кто решает о чрезвычайном положении» [1, с. 27]. Решить о чрезвычайном положении значит приостановить действие закона, включив тем самым голую жизнь в политическое пространство в качестве исключения. Тот, кто объявлен «*homo sacer*», может быть убит без наказания, но не может быть принесён в жертву, другими словами, он выпал из сферы закона, но остаётся в сфере власти как голое, ничем не защищённое существование.

По мнению Дж. Агамбена, вся западная политическая мысль строится на этом фундаментальном насилии: на разделении жизни на ту, что достойна быть оплакиваемой, и ту, что может быть убита безнаказанно. Демократия, либерализм, социализм в той или иной мере, воспроизводят это различие, просто по-разному проводя границу. Отсюда следует вывод, радикализирующий и классический анархизм, и фукианскую аналитику: недостаточно бороться с конкретными формами власти – государством, капиталом, церковью. Недостаточно даже бороться с биополитикой как историческим феноменом модерна. Необходимо дезактивировать сам механизм исключения, само различие между *zoe* и *bios*. Цель – не заменить один *bios* другим (один политический строй другим), а достичь состояния, в котором жизнь станет неотделима от своей формы. Дж. Агамбен называет это «формой-

жизнью», жизнью, которая уже всегда есть своя собственная форма, которая не может быть сведена ни к биологии, ни к культуре, ни к политике, а есть их неразличимое единство. «Форма-жизнь – есть жизнь, которая никогда не может быть отделена от своей формы; жизнь, в которой невозможно выделить нечто подобное голой жизни» [4, р. 204].

Что это означает для анархизма практически? В отличие от классиков, Дж. Агамбен не даёт рецептов. Более того, он относится к любым рецептам с глубочайшим подозрением, видя в них зародыш новой *arche*. Его главное понятие – «деституция», то есть не разрушение, а именно дезактивация, лишение силы, выведение из игры. Дезактивировать закон – значит не отменить его (отмена – это тоже акт власти), а сделать его недействующим, показать его контингентность, ненужность. Дезактивировать власть – значит лишить её сакральной легитимности, которая делает послушание самоочевидным. В этом смысле стратегия Дж. Агамбена близка к тому, что Ж. Деррида называл «деконструкцией»: она не предлагает альтернативы, а подрывает возможность любого альтернативного проекта претендовать на абсолютную истинность. Интересно, что сам Дж. Агамбен пишет: «Анархия – это не отсутствие порядка, а отсутствие начала-принципа (*arche*), который этот порядок обосновывает и из которого он исходит» [4, р. 198]. Иными словами, анархия есть горизонт – горизонт мысли, который никогда не может быть перекрыт окончательным решением. В этом пункте Дж. Агамбен расходится не только с классическим анархизмом, но и с М. Фуко, который всё же сохранял веру в возможность локальных освобождений через конкретные практики сопротивления. Для Дж. Агамбена любая освобождённая территория рискует стать новой формой исключения, если не затронуто само онтологическое различие.

Критики часто упрекают постструктуралистскую версию анархизма в политической бесплодности. Что даёт нам деконструкция? Какой конкретный совет она предлагает активисту, вышедшему на улицу? Эти упреки не лишены оснований, но они бьют мимо цели. Постструктуралистский анархизм не конкурирует с классическим за право предложить лучший устав для идеального общества. Он принципиально отказывается от такой задачи. Его вклад иного рода. Он освобождает анархистскую мысль от груза метафизических допущений, которые делали её уязвимой для критики. Не нужно доказывать, что человек по природе добр и кооперативен. Достаточно показать, что он может быть таковым – в определённых условиях, при определённой организации социальных отношений. Не нужно верить в неизбежный прогресс и в революцию как окончательный разрыв. Достаточно знать, что существующий порядок контингентен, а значит, может быть изменён. С. Ньюман считает: «Анархизм, – как точно замечает один из современных исследователей, – не нуждается в обосновании через человеческую природу; ему достаточно обоснования через человеческую возможность» [8, р. 147]. Именно эту возможность (не сущность, не природу, не закон, а именно чистую, ничем не гарантированную воз-

можность быть иным) и вскрывает постструктуралистская аналитика, демонстрирующая, что то, что есть, не есть всё, что может быть, и в этом её политический смысл, который не сводим к конкретным рекомендациям.

Особенно рельефно эта трансформация видна на примере отношения к телу и сексуальности. При всём его материализме, классический анархизм был удивительно «безтелесен». Он говорил о труде, собственности, свободе, но редко о том, как власть вторгается в самые интимные уголки телесного существования – в сексуальность, здоровье, рождение и смерть. М. Фуко показывает, что тело – главное поле биополитики. Дисциплинарные практики (расписание, надзор, экзамен, казарма, больница, школа) формируют тело, делают его послушным и одновременно полезным. Сексуальность не подавляется, а производится – как объект знания, как истина субъекта. М. Фуко пишет: «Мы долгое время терпели государство как великую власть, которая нас подавляет; но на самом деле государство бессильно перед микрофизикой власти, которая пронизывает всё социальное тело» [5, р. 144]. Отсюда следует стратегический вывод, которого нет у классиков: сопротивление должно быть столь же рассредоточенным, столь же капиллярным, как и сама власть. Оно не может быть сконцентрировано в одном месте, в одной партии, в одном акте. Оно должно быть повсюду – в школе, больнице, семье, языке, в том, как мы говорим о своём теле и как мы его проживаем.

Дж. Агамбен делает следующий шаг и показывает, что биополитика не есть изобретение Нового времени. Она укоренена в самой западной онтологии, в том, как греческая философия мыслила различие между жизнью и формой жизни. Различение древнегреческих понятий *ζωε* («жизнь вообще») и *βίος* («индивидуальная жизнь») – это не просто политическая операция, это акт насилия, который производит само политическое пространство. Голая жизнь – не природное состояние, которое предшествует политике, а продукт политики, её тайный фундамент. Дж. Агамбен пишет: «Политизация голой жизни составляет решающее событие современности» [1, с. 14], но это же открывает и путь к сопротивлению. Если власть конституирует себя через исключение, то освобождение может прийти только через дезактивацию самого этого механизма. Не через включение исключённых (что оставляет структуру неизменной, ибо само понятие «включения» уже предполагает границу), а через отказ от самой логики включения-исключения. Дж. Агамбен предлагает образ сообщества, которое не основано ни на какой идентичности, ни на каком общем свойстве, а только на общем отсутствии такого свойства – на «приходящем сообществе», как он называет его в одноимённой работе [1, с. 45]. Это сообщество – не цель и не проект. Это модус существования, который всегда возможен здесь и сейчас, но никогда не может быть зафиксирован в институции. Оно не требует паспортов, границ, уставов и возникает, и исчезает как конфигурация совместности, не претендуя на вечность.

Сравнение классического и постструктуралистского анархизма обнажает глубокое различие в понимании времени и действия. Классики мыслили революцию как событие, которое прерывает историю и открывает новую эру. Постструктуралисты относятся к такой модели с подозрением, видя в ней скрытую теологию. Революция как Судный день, как конец истории, как окончательное освобождение – это секуляризованная форма христианского миллениаризма. Ж. Деррида, М. Фуко и Дж. Агамбен предлагают иную темпоральность: не событие, которое однажды случится и всё изменит навсегда, а перманентную работу, которая никогда не может быть завершена. Эта работа не обещает рая на земле и обещает только то, что можно сделать здесь и сейчас, в условиях несовершенства, неопределённости и риска. Эта честность перед собственной конечностью, перед невозможностью окончательного решения, и составляет этическое ядро постструктуралистского анархизма. Он не говорит: «Я знаю, как устроить справедливое общество». Он говорит: «Я знаю, что нынешнее общество несправедливо, и я могу действовать, чтобы его изменить, не имея гарантий, что моё действие приведёт к идеальному результату».

Подведём итог. Постструктуралистская трансформация анархизма не есть его отрицание. Это его радикализация – доведение до предела собственной критической интенции. Классический анархизм хотел освободить человека от власти. Постструктурализм показывает, что человека, которого можно было бы освободить, не существует. Человек – это продукт властных отношений, но это не приговор, а вызов. Если субъект конституирован властью, то он может быть и переконституирован – не через возвращение к утраченной сущности (которой никогда не было), а через изобретение новых форм субъективации. Если власть вездесуща, то сопротивление тоже может быть вездесущим. Если нет окончательного основания, на котором можно выстроить идеальное общество, то нет и оправдания для тех, кто откладывает свободу до «после революции». Свобода возможна здесь и сейчас, не как цель, а как способ действия. В этом, и только в этом, смысле постструктуралистский анархизм остаётся верен интуиции, которая вдохновляла всех классиков: мир не должен быть таким, как он есть. И философия не должна служить оправданием того, что есть. Её задача – показывать, что возможно иное, даже когда она не может описать это иное в деталях. Ибо описание деталей было бы новым проектом, новой *agche*, новым притязанием на окончательную истину, а отказ от этого притязания – единственное, что отличает анархиста от революционера, который после захвата власти становится новым господином. Постструктуралистский анархизм – это этика постоянного недоверия к любой власти, включая власть собственных идей, и готовность пересмотреть их, как только они начинают окостеневать в догму.

Библиографический список:

1. Агамбен, Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен; пер. с итал. Д. Новикова. – Москва: Три квадрата, 2008. – 144 с.
2. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен; пер. с итал. О. А. Дубицкой, И. Чубарова. – Москва: Европа, 2011. – 254 с.
3. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 т. / М. Фуко; пер. с фр. – Москва: Праксис, 2006. – Т. 3. – 416 с.
4. Agamben, G. The Use of Bodies / G. Agamben; trans. by A. Kotsko. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 312 p.
5. Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / M. Foucault; trans. by A. Sheridan. – London: Allen Lane, 1977. – 352 p.
6. Foucault, M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / M. Foucault; ed. by C. Gordon. – New York: Pantheon Books, 1980. – 288 p.
7. Malabou, C. Stop Thief! Anarchism and Philosophy / C. Malabou; trans. by C. Shread. – Cambridge: Polity Press, 2023. – 268 p.
8. Newman, S. From Bakunin to Lacan: Anti-Authoritarianism and the Dislocation of Power / S. Newman. – Lanham, MD: Lexington Books, 2001. – 240 p.

References:

1. Agamben, G. The Coming Community / G. Agamben; transl. from Italian by D. Novikov. – Moscow: Tri Kvadrata, 2008. – 144 p.
2. Agamben, G. Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life / G. Agamben; transl. from Italian by O. A. Dubitskaya, I. Chubarov. – Moscow: Evropa, 2011. – 254 p.
3. Foucault, M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews: in 3 vols. / M. Foucault; transl. from French. – Moscow: Praxis, 2006. – Vol. 3. – 416 p.
4. Agamben, G. The Use of Bodies / G. Agamben; trans. by A. Kotsko. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 312 p.
5. Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / M. Foucault; trans. by A. Sheridan. – London: Allen Lane, 1977. – 352 p.
6. Foucault, M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / M. Foucault; ed. by C. Gordon. – New York: Pantheon Books, 1980. – 288 p.
7. Malabou, C. Stop Thief Anarchism and Philosophy / C. Malabou; trans. by C. Shread. – Cambridge: Polity Press, 2023. – 268 p.
8. Newman, S. From Bakunin to Lacan: Anti-Authoritarianism and the Dislocation of Power / S. Newman. – Lanham, MD: Lexington Books, 2001. – 240 p.